

Виктория ДРАГАН

© 2004

ЛОГИКО-РЕФЕРЕНЦИОННЫЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ СИТУАЦИИ

Проблема понимания как вопрос гносеологический является центральной не только для лингвистики. Эта проблема имеет, прежде всего, общеметодологическое значение. Её истоки как сформировавшейся общенаучной концепции обнаруживаются в античной герменевтике, т.е. искусстве толкования так называемых «тёмных» мест письменных памятников предшествующих эпох. Герменевтика возникла в пограничных областях философии, психологии, риторики, лингвистики, находящихся в одном историко-культурном контексте, и длительное время была философским учением, объектом которого был текст, а предметом – его понимание. Е.А.Селиванова пишет, что «возникновение герменевтики имело глубокие психокогнитивные основания: интерпретаторы «вчувствовались» в текст, моделировали содержание текста на основе собственной когниции и психики» [4, 112]. Как дисциплина герменевтика начиналась с библейской экзегетики и была тесно связана с филологией. Следовательно, концепции понимания зарождаются именно в лоне филологии. Лингвистическая разработка проблемы понимания в её современном виде, существенно отличном от античной герменевтики, начинается, по существу, идеями Гумбольдта, сформулировавшего с позиций лингвистической относительности антиномию «понимание / непонимание».

Потенциальные зоны потерь фактуальной или концептуальной информации текста образуют герменевтические ситуации (ГС), т.е. ситуации в которых можно либо понять, либо не понять текст. Статья посвящена исследованию ГС в логико-референционной области языковой компетенции на материале текстов художественной литературы, маркированных метакоммуникативными формами (литературно-художественная модель рефлексии обыденного сознания).

Семасиология, лексикография и стилистика выделяют логико-референционные значения (словарные значения) в противопоставлении коннотативно-контекстуальным как категорию семантической структуры слова в статике языковой системы. Термин «логико-референционное» или просто «референционное» значение используется и в теориях понимания. Например, он противопоставлен как уровень семиозиса уровням мета- и мета-мета-семиозиса в трёхступенчатой концепции О.С.Ахмановой [9, 53-77], которая, в своё время, указывала и на межкультурные различия языков на уровнях, лежащих выше семиозиса.

Подход к логико-референционной области языковой компетенции несколько расширится нами по сравнению с традиционным, так как концепция логико-референционных единиц подводит понимание на этом уровне под шкалу мотиваций значения любого типа и акцентирует те стороны коммуникации, которые затрудняют подобную мотивировку. А это означает, что в область логико-референционных значений попадает некоторая часть тех образных средств (причём не только стёртых фигур речи и других штампов), которые мотивируются автоматически или эвристически. Тра-

диционный же подход выводит из зоны референции абсолютно все образные средства. Иными словами, различие заключается в том, каким образом логико-референционные единицы, будучи применены к языковой компетенции, моделируют семантику.

Гипотетически в языке есть все возможности построения понятных высказываний, и, видимо, знание этих возможностей адресатом и есть знание языка (компетенция), которое включает в себя, помимо знания построения фраз, навыки формирования коммуникативного задания. Под языковой компетенцией некоторые исследователи понимают способность человека строить грамматически правильные высказывания. Однако знание правил грамматики недостаточно. Л.Л. Славова утверждает, что основной «грамматический аспект должен быть дополнен иными показателями речевого развития личности, которые отображают количественный состав словаря (активного и пассивного), качественный запас его лексического и фразеологического компонентов, разнообразие грамматических конструкций и стилистических ресурсов для использования в процессе общения» [5, 5].

Итак, проблема понимания – это, прежде всего, проблема знания языка. И от этих знаний следует отличать знания о мире, совокупность которых у разных людей различна без того, чтобы сказываться на языковой компетенции. Поэтому, логико-референционные ГС скорее связаны с нарушениями условий коммуникации, чем с различиями в объёме тезаурусов коммуникантов.

Основополагающими по теории речевых актов в зарубежной лингвистике являются работы Дж.Сёрля [10; 11]. Следуя в принципиальных вопросах английским семантикам, Сёрль выводит значение из суммы ситуативных факторов, а не из языковой системы в её отражательном аспекте. В этом смысле значение сводится исключительно к пониманию ситуации, но не самого языка, иными словами язык переводится в знаковый продукт, порождаемый речевым эффектом, составляющими которого являются интенция и интерпретация. Сёрль иллюстрирует это положение примером, когда мы говорим «Тепло» или «Холодно» в обратном смысле [11, 49]. Там же и в этом же духе интерпретируется и интересный пример с американским солдатом в плену у итальянцев, который, пытаясь доказать, что он союзник (немец), цитирует на немецком языке Гёте: „Kennst du das land, wo die Zitronen blühen“.

Чтобы представить полнее тот теоретический фон, на котором могут актуализироваться логико-референционные ГС, необходимо поставить вопрос о соотношении пресуппозитивного анализа с генеративной семантикой.

Основные категории генеративной семантики – глубинная и поверхностная структуры – как известно, не раз уже подвергались критике, и главным образом потому, что формулировка глубинной структуры является семантическим метаязыком, находящимся за пределами «корпуса порождённых структур» естественной коммуникации. Когда мы говорим, что глубинная структура словосочетаний «Шапка отца» и «Отцовская шапка» есть «принадлежность шапки отцу», мы не только не отвечаем на вопрос, какая из двух структур является поверхностной, а какая – глубинной, но и не даём адекватного семантического описания категорий принадлежности с помощью метаязыка «глубинности». По-видимому, такая постановка вопроса не является продуктивной и для описания процесса понимания.

Когда Н.Хомский выдвинул идею о том, что процесс понимания фраз зависит от перекодировок в глубинную структуру, которые выделяют логику посредством поверхности, оказалось, что в ряде случаев «глубинная структура» просто сливается с поверхностной омонимией (ср. его предложения “They are flying planes”, “They are hunting lions”). Поэтому группы Филлмора (США), Бирвиша (ГДР), Кифера (Венгрия) и др. были вынуждены переориентировать генеративную семантику от логики к языковым значениям, и позднее Дж.Мак-Коли, а вслед за ним другие, вообще отказались от понятий «глубинная» и «поверхностная структура», хотя эта теория продолжает применяться как в отечественном, так и в зарубежном языкознании.

В переформулированной генеративной семантике логические отношения выводятся содержательно, т.е. логические операторы (конъюнкции, дизъюнкции, вхождения в совокупности, тождества, всеобщности и т.п.) выводятся из самих конструкций, а не из их абстрактно-логической основы. В этом выводе участвуют и актуальное членение, и лексико-просодические факторы, т.е. специальные средства семантической маркировки. Однако это всё же не решает проблем генеративной семантики в целом, поскольку приходится опираться и на пресуппозиции. При обсуждении вопроса о соотношении базисных (глубинных) структур и пресуппозиций, важно посмотреть на проблему с внешней стороны по отношению к лингвистической семантике и учесть взгляды тех учёных, которые работают в пограничных областях: именно – опыт исследователей, применяющих иные методы, и какое значение ими придаётся указанным лингвистическим категориям. Вот что пишет по этому поводу, например, нейролингвист А.Р.Лурия: «...Условием, совершенно необходимым для понимания речевого сообщения, является знание основных, базисных семантических или глубинных синтаксических структур, которые лежат в основе каждого компонента высказывания и выражают известные эмоциональные или логические системы отношений. ...Это условие выступает особенно отчётливо в тех случаях, когда глубинные синтаксические структуры расходятся с внешними, поверхностными структурами; тогда существенным звеном понимания этих структур является их трансформация в более простые и доступные непосредственному пониманию конструкции» [2, 280]. Значит, речь идёт в целом о приведении некоторых структур к определённому «общему знаменателю» (независимо от того, назовем мы его «пресуппозицией», «глубинной структурой», «имплицированной структурой» или как-нибудь иначе) и об условиях, в которых получатель сообщений мог бы применить этот «общий знаменатель» в качестве эталона декодирования. Если в термин «глубинная структура» вкладывать именно такой смысл, то использование соответствующего понятия не вызвало бы возражения.

Таким образом, понимание высказываний опирается на две координаты: объективно-референтную мотивацию и соотнесение с ситуацией общения. Различие между пресуппозицией и глубинной структурой – следствие из того факта, что состав пресуппозиций (но не их структура) выводится из множества ситуаций, которое не является конечным, а состав глубинных структур – из множества базисных моделей того или иного языка, которое конечно, если его рассматривать в синхронном плане. Вместе с тем различие это носит функциональный характер. Одна и та же пресуппозиция может оказаться в одних коммуникативных условиях на уровне глубинных структур поливербальной, в других – одна и та же глубинная структура может оказаться полипресуппозитивной. Поэтому в одних условиях (например, в условиях фатической коммуникации) для мотивации достаточен уровень глубинных структур или ближайшей поверхностной, в других (главным образом в нефатической коммуникации, письменных текстах) – восстановление ситуации (пресуппозиции) из контекста, где уже господствуют системы внутритекстовых связей и т.п.

Логико-референтные ГС являются результатом взаимодействия пресуппозиции и модели языка, т.е. равнодействующей тех сил, которые определяют, с одной стороны, степень компрессии речевого сигнала, с другой стороны – максимальное соответствие информации коммуникативным целям. Пласт тезауруса, единицей которого являются логико-референтные ГС, можно было бы также назвать речевым опытом как основным компонентом языковой компетенции.

Усилия, затрачиваемые на освоение логико-референтных ГС, порождаются группой факторов, имеющих отношение к грамматическому строю языка, статистическим и информационным закономерностям организации текста, психолингвистическим и нейрофизиологическим аспектами речевой деятельности в целом, к аспектам вербального контекста. Большинство известных нам моделей понимания текста в качестве объекта моделирования выдвигают именно указанную область.

Уровень логико-референционных значений в аспекте понимания (мотивации) ограничен областью автоматизма языковой системы, создающего избыточность информации и, следовательно, высокую предсказуемость. Но избыточность относительна. Её ресурсы, как известно, имеют две функции: увеличение надёжности сообщений в неблагоприятных условиях коммуникации (понимание текста в целом возможно лишь на базе избыточности) и вхождение в систему выразительных средств, т.е. возможность быть использованными для передачи дополнительной эмотивно-оценочной и эстетико-идеологической информации. Автоматизм языковой системы как фактор понимания обеспечивает и оптимальную саморегуляцию степеней компрессии информации. Так, в условиях высокопредсказуемых контекстуально-ситуационных позиций, информационная компрессия максимальна, в нулевых же контекстах она минимальна или сводится к нулю (последнее – чисто теоретическая возможность).

Рассмотрение различных логико-референтных ГС, можно традиционно начать с лексического уровня языка в тесной связи с морфемикой и словообразованием. Мы имеем в виду типичные для всех языков случаи окказиональных новообразований, контаминацию, морфемное разложение и переразложение, параномазию и родственные явления, причём могут наблюдаться и тесные связи с синтаксисом.

Случаи появления ГС, осложнённой неоформленными синтаксическими связями, не раз встречается в «Посмертных записках Пиквикского клуба», главным образом в речи Альфреда Джингля:

“Well; and how came you here?” said Mr. Pickwick, with a smile in which benevolence struggled with surprise.

“Come,” replied the stranger—“stopping at Crown—Crown at Muggleton—met a party—flannel jackets—white trousers—anchovy sandwiches—devilled kidneys—splendid fellows glorious.”

Mr. Pickwick was sufficiently versed in the stranger’s system of stenography to infer from this rapid and disjointed communication that he had, somehow or other, contracted an acquaintance with the All-Muggletons, which he had converted, by a process peculiar to himself, into that extent of good fellowship on which a general invitation may be easily founded [8, 113].

Проблемы понимания речи мистера Джингля связаны, как правило, с его так называемой «парцеллированной» манерой выражаться. Мысли Джингля импульсивны, он выпаливает их в отрывочных словах и обрывках фраз, увеличивая интервалы в ритмической структуре фраз и предложений. Речь Джингля отлично характеризует этого энергичного комбинатора, отвечая его образу мышления.

Функционирование синтаксических ГС имеет более сложную природу в связи со спецификой синтаксиса, отображающего наборы сложных ситуаций (в разнообразных структурах), и более сложные коммуникативные условия. Инициатор подразделения грамматики на «грамматику для слушающего» и «грамматику для говорящего» Ч.Хоккетт писал: «Для того чтобы понять, что он слышит, слушающий... должен произвести синтаксический анализ предложения, то есть вскрыть его грамматическую организацию почти тем же самым образом, как это делает грамматист [6, 141]. Данное замечание воспринимается сейчас как тривиальное, но оно сохраняет свою особую важность для письменного текста, включая и связь с отправителем сообщений (автором). В романе Б.Пильняка «Голый год» есть глава, которая имеет подзаголовок: «Кому – таторы, а кому – ляторы». Далее следует:

«(объяснение к подзаголовку:

В Москве на Мясницкой стоит человек и читает вывеску магазина: «Коммутаторы, аккумуляторы».

– Ком-му... таторы, а... кко-му... ляторы...– и говорит: – Вишь, и тут оманывают простой народ!...)» [3, 119].

Реципиент, читая вывеску магазина, выводит из неё информацию о нечестности продавцов. Это происходит с помощью автоматизма ложной мотивации в два этапа: сначала – неправильная сегментация речевой цепи, типичная при непонимании слов иностранного происхождения, а затем – автоматизм пресуппозитивного (а точнее – импlicative) анализа: если магазин продаёт по принципу «кому – одно, а кому – другое», значит он работает незаконным способом. По форме же высказывания – налицо игра слов.

В ряде случаев для понимания ситуации достаточным оказывается номинальное знание словаря, которое прогнозирует в общих чертах его концептуальную основу. Естественным следствием номинального знания словаря является паронимазия (сближение разных слов на базе близости их звуко-графического оформления). Например, Алиса путает слова “antipode” и “antipathies” [7, 39-40] по их близкому созвучию.

Разновидностью логико-референтных ГС являются случаи, когда коммуникативные провалы возникают из-за недостаточности контекста или информации, которую реципиент может восстановить по логическому выводу

Одним из главных моментов понимания является снятие многозначности. Как установили Г.В.Ейгер и В.Л.Юхт [1, 121-124], записи разножанровых текстов (диалогов и т.п.) свидетельствуют, что и в однозначной ситуации многозначность и множественность интерпретаций не снимаются. Вот причины этого явления: 1) неоднозначность причинно-следственных связей, именно – многоследственность причины и многопричинность следствия, которые связаны вероятностной зависимостью, не совпадающей с вероятностными прогнозами адресатов; 2) несовпадение пресуппозиций коммуникантов относительно объекта-денотата, а именно: разная «глубина» пресуппозиций, их направленность, разные величины их векторов; 3) полифункциональность предложения: предложение имеет функции изменения тезауруса адресата, изменения его поведения, передачи ему объективной информации, передачи ему обертональной информации (юмор, ирония и др.), причём эти функции имеют подвиды: ориентация адресата как на сообщение, так и на код. Различен и характер изменения поведения (просьба, скрытая угроза, внутреннее побуждение и всё прочее, относящееся к сфере речевых актов); 4) несовпадение ситуационной координатной сетки коммуникантов: экономность описания ситуации (мы бы сказали «компрессия информации») влечёт ложность интерпретации из-за несовпадения прагматик коммуникантов. Все эти типы несоответствий допускают моделирование, например, на основе логики норм, недедуктивной логики, «алгебры конфликта» и других частных моделей понимания, ориентированных на механизм процесса «мотив → замысел → воплощение → эффект». Многозначность слова (номинативная многозначность) и многозначность в синтаксисе имеют принципиально разный характер: если первая субстанциальна, то последняя сугубо реляционна (может быть неоднозначно интерпретирована).

Если обобщить все частные проявления логико-референтных ГС, то можно заключить, что варьируются они в пределах, допускаемых компрессией информации о референтах, которая одновременно повышает информативность той или иной подсистемы. Неравномерность распределения информации в этих подсистемах на каждом отрезке дискурса (коммуникации) проявляется в контекстуально-текстовых взаимодействиях. Наиболее общим результатом подобных взаимодействий следует, по-видимому, считать транспозицию (асимметрию форм и функций) на всех участках языковой системы в её текстуальной развёртке.

Мы рассмотрели некоторую область варьирования ГС в зоне логико-референтных значений. Такие ситуации связаны с мотивировкой различного рода индизонирований, осуществляемой с помощью автоматизированных логических операций выведения явных высказываний из неявных. Сюда относятся: расхождения между звуковым комплексом речевого сегмента отправителя сообщений и сегментацией этого же фрагмента адресатом, многозначность интерпретаций семантического значения одного и

того же слова или выражения, понимание каламбуров, построенных на омонимии и полисемии, понимание тропических образов типа эпитета, метафоры, метонимии, использование стилистического приёма параномазии, контаминации, неоформленные синтаксическое связи и т.д.

Таким образом, и в типологическом, и во внутрисистемном планах, уровень понимания логико-референционных значений характеризуются следующей сетью зон информационных потерь на выходе из коммуникативной системы: а) ГС, образуемыми наложением языковой модели на пресуппозицию с результатом в виде градаций грамматичности, обуславливающих речевое поведение; б) ГС, образуемыми взаимодействием денотативных и контекстуальных значений; в) игнорированием, сознательным или неосознанным, общего принципа избирательности языковой компетенции коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ейгер Г.В. Юхт В.Л. О ситуативной неоднозначности предложений // Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции – М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1976. – С. 121-124.
2. Лурия А.Р. Язык и сознание. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 413 с.
3. Пильняк Б.А. Голый год // Романы. – М.: Современник, 1990. – 607 с.
4. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К.: Фитосоциоцентр, 2002. – 336 с.
5. Славова Л.Л. Типология коммуникативных неудач: Автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.04. – К.: КГЛУ, 2000. – 19 с.
6. Хоккетт Ч. Грамматика для слушающего // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1965. - Вып. 4. – С. 139-166.
7. Carroll Lewis. Alice's Adventures in Wonderland. – Moscow: Progress Publishers, 1979. – 235 pp.
8. Dickens Ch. The Posthumous Papers of the Pickwick Club. – Moscow: Foreign languages publishing house, 1949. – 895 pp.
9. Linguostylistics: Theory and Method. / Ed. O. Akhmanova. – М.: MGU, 1972. – P. 53-77.
10. Searle J.R. Speech Acts. An Essay in the philosophy of Language. – London-New York: Cambridge University Press, 1969. – 203 pp.
11. Searle J.R. A classification of illocutionary acts // Language in Society, 1976. – V. 5. – №1. – P. 49.